

М. С. Воронцов и образование на Северном Кавказе (30-50-е гг. XIX в.)

Р. С. Бозиев (с)

Значительной вехой в деле развития системы образования на Северном Кавказе стало открытие 18 октября 1837 г. в Ставрополе Кавказской областной гимназии, одной из задач которой была подготовка кадров для администрации края. Обучение в ней строилось по

специальной учебной программе. Особое значение придавалось изучению местных языков (в частности, татарского, т.е. тюркского), в то время как изучение латыни, обязательной для центральных губерний, допускалось по желанию самих учащихся. 17 февраля 1842 г. при гимназии распахнул

стр. 83

свои двери горский пансион на 50 человек для подготовки детей к поступлению в кадетские корпуса. Его предшественником был гимназический пансион, куда, наравне с местными детьми, определяли отпрысков служивших в крае русских чиновников [1, с. 499]. Ставропольская гимназия постепенно становилась одним из самых значительных центров просвещения во всем Кавказском регионе, что в немалой степени предопределялось географическим положением самого города, который находился в центре кавказской кордонной казачьей линии и на пути к Закавказью.

В 1840 г. администрация Кавказа приступила к преобразованию управления народного просвещения. Раньше, как известно, руководство и надзор за образовательными структурами осуществлялись отстоящим за сотни километров Харьковским университетом, что чрезвычайно затрудняло сам процесс развития школьного дела в регионе. Теперь, согласно новому положению, решение всех вопросов, связанных с "обустройством" России на Кавказе, передавалось новоучрежденному Кавказскому комитету, во главе которого встал А.И.Чернышев. Однако, безденежье и бюрократические проволочки затягивали разрешение назревших проблем.

На фоне "бездействия" чиновничества необходимо отметить первые шаги немногочисленной местной интеллигенции в деле просвещения своего народа. Так, Д.С.Кодзоков в 1839 г. на свои средства открыл в кабардинском ауле Абуково начальную школу, где русскому языку и элементарным правилам арифметики обучалось 5 мальчиков, учебники для которых были выписаны из Ставрополя. В одном из своих писем он писал, что мотивами, побудившими его к открытию школы, послужили "жалкое положение здешних жителей, обман, которому они подвергаются" [2, с. 41-42].

Другим примером может служить сюжет, связанный с обращением в 1841 г. Кабардинского временного суда к генерал-майору Пирятинскому с рапортом об устройстве в Кабарде училища. В особом добавлении суд сообщал, что берет на себя "содержание училища" и просил взять на казенный кошт учителей русского и арабского языков. После многих доработок, в том числе и с учетом замечаний командующего войсками Кавказской линии

П.Х.Граббе, проект был представлен военному министру и доложен Николаю I. После рассмотрения вопрос был решен положительно, правительство выделило 1990 руб. ассигнациями и предложило в 1842 г. начать строительство здания школы. Частая смена руководства на Кавказе, да и самих проектов не позволили организовать и открыть школу в назначенный срок.

Большинство прогрессивных преобразований в крае историки связывают с именем М.С.Воронцова, который был назначен наместником на Кавказе в декабре 1844 г. Это был тот самый Воронцов, чья гренадерская дивизия защищала Семеновские фланги на Бородинском поле. После ранения, полученного им в штыковой атаке, остался в армии. Награжден орденами Святого Георгия II, III и IV степеней. После победы над Наполеоном командовал размещенным во Франции русским экспедиционным корпусом (1815- 1818), в котором были запрещены телесные наказания, организованы для солдат ланкастерские школы грамоты. Стоит вспомнить, что сам Николай I в своем письме к нему подчеркивал, что обратиться к его кандидатуре побудила необходимость соединения в одних руках разрозненных военной и гражданской властей и упорядочения административной системы. "Зная ваше всегдашнее пламенное усердие к пользам государства, мой выбор пал на вас, в том убеждении, что вы, как главнокомандующий войск на Кавказе и наместник мой в сих областях с неограниченным полномочием, проникнутый важностью поручения и моим к вам доверием, не откажетесь исполнить мое ожидание" [3, с. 212-213].

Время показало, что для выполнения этой миссии лучшую кандидатуру найти было трудно - герой Отечественной войны 1812 г., губернатор Новороссийского края, который именно при М.С.Воронцове стал процветать. Характеризуя нравственную обстановку среди высших чиновничьих кругов России того периода, П.А.Зайончковский подчеркивал: "Из генерал-губернаторов выгодно выделялись лишь

стр. 84

наместник Кавказа и новороссийский генерал-губернатор св. кн. М.С.Воронцов и восточносибирский гр. Н.М.Муравьев, получивший наименование Амурского. Это были умные и энергичные администраторы" [4, с. 149].

Европейски образованный М.С.Воронцов прекрасно понимал роль просвещения в деле присоединения к России кавказских народов. В отличие от генерала А.П.Ермолова, М.С.Воронцов с самого начала деятельности на Кавказе отвергал репрессивные методы управления: "Всякая перемена и всякое нововведение, изменяющее вековые обычаи, чрезвычайно трудны к введению везде, но особенно в здешнем крае, а потому в подобных случаях надо действовать с большой осторожностью. Насильственные меры не только не принесут добра, но могут иметь очень дурные последствия" [6, с. 42]. Одним из первых его шагов в сфере просвещения стало объединение "в одном управлении" учебных заведений Северного Кавказа и Закавказья. Централизация руководства и сосредоточение его непосредственно в Кавказском крае позволяли оперативно реагировать на возникающие каждодневно нужды образования во всем регионе, проводить единую образовательную политику.

Еще в 1843 г. по повелению императора была создана специальная комиссия для поиска путей по улучшению просвещения в крае. В комиссию вошли чиновники, хорошо знакомые с реальным состоянием дел в регионе и потребностями его жителей. При подготовке нового проекта они взяли за основу слова императора, высказанные еще в 1837 г. при посещении

Закавказского края: "Образование юношества гражданского ведомства Министерства народного просвещения сосредоточить в училищах сего ведомства, а также в школах при штабах полковых и при линейных батальонах" [1, с. 501]. Иными словами, к делу просвещения местного населения привлекалась армия, что можно считать достаточно конструктивным решением, если учитывать, что это была наиболее организованная и мощная структура, обладавшая определенным опытом для решения поставленных задач. Но и здесь были свои трудности. Так, в марте 1843 г. было ведено открыть школу в г. Нальчике, "но с тем неперменным условием", чтобы 50% учащихся составляли дети русских дворян и обер-офицеров. Однако в марте 1847 г. оно было отменено и принято новое решение об учреждении в г. Нальчике "школы военных воспитанников". Предполагалось, что здесь будут два отделения: одно для солдатских детей, другое для детей русских офицеров, балкарских таубиев и узденей, кабардинских князей и дворян и нескольких детей отличившихся урядников линейного казачьего войска. После доработки проекта школа открылась в 1848 г. в станице Екатерине градская.

Историк Т.Х.Кумыков, анализируя данный вариант решения, совершенно справедливо отмечает, что царская администрация исходила из того, что "дети в станице Екатериноградской, будучи изолированными от постоянного влияния их родственников, быстрее усваивают обычаи и нравы русских". Но здесь вызывает недоумение следующее умозаключение уважаемого исследователя: "В данном случае ярко проявилась сущность русификаторской политики государства" [2, с. 210-212]. Однако слово "русифицировать" у большинства исследователей ассоциируется с неким негативом. На самом деле это был самый сложный и зачастую противоречивый процесс приобщения народов к российской культуре, обретению в ней своего имени, бытия и истории, к достижениям мировой цивилизации.

Именно в период наместничества М.С.Воронцова был подписан в 1845 г. указ о командировании представителей молодежи Кавказа в высшие учебные заведения Санкт-Петербурга и других городов. Поскольку с Северного Кавказа ехали в основном выпускники Ставропольской гимназии, сразу же обнаружилось, что они, обучаясь по облегченной программе, неспособны учиться наравне со своими сверстниками из других регионов Российской империи. Некоторые современные историки склонны рассматривать этот факт как продуманную изначально изоляционистскую политику властей, якобы стремившихся ужесточить доступ к образованию и культуре кавказской молодежи. Эта позиция не выдерживает критики, так как носит чисто умозрительный характер, не

стр. 85

учитывающий исторических реалий того времени, прежде всего предельно низкого уровня грамотности местного населения, с учетом которого и определялась учебная программа гимназии. Следующий немаловажный фактор, опровергающий утверждения о преднамеренной работе по сохранению массовой неграмотности на Кавказе, - интересы самих центральных властей, которые нуждались в образованных проводниках своей политики, что неоднократно подчеркивалось во многих циркулярных документах и официальных письмах.

С целью подготовки к обучению в университетах, изучения основ латыни и греческого и облегчения процесса адаптации юношей к условиям жизни в больших городах 17 ноября 1847 г. был издан царский указ, разрешавший "студентам из кавказских и закавказских уроженцев, воспитывающимся в университете на счет казны, предоставить один год

льготный на весь вообще университетский курс" [7, с. 48]. (Даже Тифлисская гимназия, бывшая предметом особой заботы руководителей края, не могла дать своим воспитанникам соответствующей подготовки, в результате чего и последовало решение об увеличении срока обучения в университете кавказских уроженцев на один год. За этот год им необходимо было ликвидировать пробелы в своих знаниях.) Об активизации процесса формирования политики в сфере просвещения свидетельствует четкая социальная ориентация целей на подготовку кадров в различных сферах жизни кавказского региона.

В этом же ключе следует рассматривать и "Положение о преимуществах по службе кавказских и закавказских уроженцев" (29 апреля 1848 г.) в котором подчеркивалось, что обучающиеся за казенный счет выпускники университетов и других учебных заведений империи готовятся исключительно к работе в Кавказском и Закавказском крае и обязаны прослужить там не менее шести лет. Дополнительным стимулом служили и суммы пособий к выдаче: "...во-первых, двойные прогоны соответственно полученным ими при выпуске чину или классу ученой степени; а во-вторых, единовременно пособия, годовое жалованье, присвоенное тем должностям, кои также соответствуют полученным ими при выпуске чину или классу ученой степени". Все они имели право пользоваться льготами и "преимуществами", предоставляемыми служащим на Кавказе русским чиновникам. Значение этого документа определяется последним его пунктом, предписывающим наместнику Кавказа "в течение 6 лет, назначенных для их службы на Кавказе или за Кавказом, по окончании каждого года доносить Его Императорскому Величеству, или сообщать председателю Кавказского комитета, для доклада Его Величеству, о том, как сии молодые люди служат и ведут себя, также о том, какие должности они занимают" [8, с. 908]. Сама первоначальная ориентация на подготовку только чиновничества постепенно усложняется политикой по созданию условий для адаптации населения края к новым условиям жизни в Российском государстве.

Об этом свидетельствует начало работы над проектом реорганизации учебного дела. По мнению М.С.Воронцова, в основу программы строительства системы народного образования в крае должны были быть заложены общие положения министерства, но вместе с тем необходимо учитывать и специфику региона. Иными словами, отвергая строгую унификацию системы просвещения, М.С.Воронцов ставил вопрос регионализации образования, т.е. учета своеобразия и потребностей местного населения.

В целях ликвидации ведомственной разобщенности, не позволяющей эффективно реагировать и решать проблемы региона, было принято решение о необходимости соединения в одном управлении всех учебных заведений Северного и Южного Кавказа. В результате в России появился новый Кавказский учебный округ, первым попечителем которого был назначен действительный статский советник В.Н.Семенов, хорошо знакомый с положением в крае. В числе мер, которые бы способствовали развитию просвещения, предлагалось увеличить количество учебных заведений и воспитательных учреждений в регионе, привлечь повышенным денежным окладом квалифицированных педагогов. Данный проект после существенных доработок и обсуждений был представлен в

стр. 86

Государственный совет и утвержден в декабре 1848 г. В указе, вынесенном по этому поводу, подчеркивалось: "Положение о Кавказском учебном округе и штате его привести в действие сначала в виде опыта на три года, с тем чтобы по истечении трех лет со времени введения в

полное действие как положения, так и штата наместник кавказский вошел с особым представлением о тех переменах и дополнениях, кои, по указанию опыта, окажутся действительно полезными и необходимыми".

Современники той эпохи, а также нынешние историки педагогики высоко оценивают этот документ, позволивший учитывать региональные особенности при строительстве системы образования на Кавказе в противовес "неизбывному стремлению высших петербургских бюрократов как можно скорее превратить Кавказ в рядовую территориально-административную единицу Российской империи, привязав ее к центральным учреждениям" [5, с. 19].

Думается, что в прямом включении региональных органов образования в общегосударственную систему не было ничего ущемляющего права и возможности местного населения. Более того, такой путь предоставлял возможность скорейшей адаптации, не ожидая особых льгот и поблажек.

Тем не менее в содержательном отношении рассматриваемое "Положение..." внесло ряд существенных изменений, оказавших значительное влияние на весь дальнейший ход развития дела просвещения в регионе. Среди них можно отметить следующие. В гимназический курс было включено изучение латинского языка, число обязательных предметов было доведено до 13 (согласно общероссийскому уставу гимназий). Срок обучения вместе с подготовительным классом был доведен до восьми лет. Начала реализовываться дифференциация обучения - детей помещиков обучали основам сельского хозяйства и архитектуры, представителей купечества - коммерческим наукам (здесь следует сразу оговорить, что это направление образования на Северном Кавказе развития не получило, о чем свидетельствует и тот факт, что в дальнейшем коммерческая гимназия была за кавказским хребтом в Тифлисе).

Но самое, на наш взгляд, политически верное и дальновидное новшество заключалось во введении в программу обучения наиболее распространенных местных языков: сначала татарского (тюркского) для балкарцев, карачаевцев, кумыков, ногайцев) и черкесского для адыгских народов в Ставропольской гимназии. Таким образом центральные власти как бы узаконивали местные языки, повышая их статус.

Не оставили без внимания центральные власти и религиозные убеждения местного населения. В регионе открывались православные приходские школы, подчинявшиеся Св. Синоду (в частности, в Северной Осетии, а также в русских и казачьих поселениях). Для той части населения, которая исповедовала мусульманство, под надзором людей, назначенных правительственными органами, при мечетях открывались мектебы и медресе. Более того, наместник М.С.Воронцов приложил немало усилий для открытия казенных мусульманских училищ, в которых местные дети могли бы получить знания по религии и изучать русский язык.

По поручению М.С.Воронцова для горских народов были специально составлены особые буквари с использованием арабского алфавита. Учителя для татарских (тюркоязычных) училищ командировались из Казанского учебного округа. Учебные дисциплины в этих учебных заведениях делились на религиозные и общеобразовательные. Их статус практически приравнивался к уездным училищам.

Такой подход к просвещению горцев демонстрировал готовность центральных властей уважать их конфессии, способствуя тем самым активизации процесса привлечения местного населения на сторону государства. Такая политика находила понимание и поддержку со

стороны служителей мусульманской религии. Так, выступая на церемонии открытия в 1849 г. училища в г. Дербенте, глава местного духовенства Халил-эффенди говорил: "Правительство нисколько не будет вмешиваться в принятый у мусульман порядок учения и образ жизни, а... желает лишь одного только вознаграждения - признательности учеников, которые и могут ее

стр. 87

выразить с самого начала, занимаясь прилежно изучением русского языка, что будет полезно как для правительства, так в особенности для них самих" [9, с. 224].

Для местного населения становилось очевидным, что одно только мусульманское образование в условиях укрепления централизованной власти является малоперспективным, а во многом и тупиковым. Исходя из этого, местная знать ориентировала своих детей на получение образования в русских школах, дававших несравнимо большие знания и возможности продолжения учебы в империи. Особенно это становилось актуальным в связи с тем, что в крае не было высших учебных заведений, в которых выпускники школ могли бы продолжить обучение. Основываясь на этом, сенат заслушал сообщение министра юстиции о том, что "Государь Император... согласно представлению наместника кавказского и положению Кавказского комитета, в 11-й день июня Высочайше соизволил утвердить составленное сим комитетом особое положение о воспитании кавказских и закавказских уроженцев, на счет казны, в высших и специальных учебных заведениях империи" [8, с. 1078].

Этот законодательный акт хотя и не решал кардинально проблемы подготовки высококвалифицированных специалистов из числа местных уроженцев, но тем не менее способствовал достижению этой цели, закрепляя определенное количество мест для них в высших учебных заведениях страны. Так, правительство выделило 160 стипендий, при университетах создавались особые "дорого стоившие правительству" пансионы. Помимо этого предусматривались разного рода льготы, обусловленные недостаточно высоким уровнем подготовки выпускников учебных заведений Кавказа. Проблема эта, несмотря на активную работу администрации, решалась очень медленно. Причин можно назвать много, но главное, видимо, заключалось в первоначальном уровне подготовки к обучению самих детей: трудности с освоением русского языка, психологический дискомфорт, ощущаемый в русской среде. Мы совсем не склонны утверждать, что такое положение было характерно для всех: речь идет о типичном для большинства народов края явлении. Можно предположить, что и уровень подготовки самих наставников был весьма низким, так как, несмотря на всякого рода льготы со стороны правительства, мало находилось энтузиастов из числа опытных педагогов, которые, бросив "насиженные" места, готовы были ехать в края, где практически не прекращались столкновения местного населения с российской армией.

В "Положении о воспитании кавказских и закавказских уроженцев на счет казны, в высших и специальных учебных заведениях империи" особо отмечалось, что "обучение их в высших специальных учебных заведениях, сверх общих видов распространения просвещения в крае, имеет еще особую местную цель, а именно: приуготовление сыновей кавказских и закавказских жителей привилегированного сословия к занятию разных, даже высших должностей по всем родам службы на Кавказе и за Кавказом" [8]. О важной роли этого положения для народов Кавказа, да и самой царской администрации говорит тот факт, что оно практически без изменений действовало вплоть до 1867 г.

Тем не менее процесс развития просвещения в обстановке русско-кавказской войны, продолжавшейся до 1859 г., был весьма сложным. Как отмечает Л.С.Гатагова, только "вовлечение военного ведомства в непривычную для него сферу было единственным способом продолжать развитие школьного дела в осложнившихся условиях" [5, с. 22]. Можно согласиться с данным утверждением, если исходить из того, что в условиях непрекращающейся войны наиболее организованной и эффективной становилась военная машина. В то же время весьма дискуссионна мысль о том, что "школы, организованные военными органами в охваченных боевыми действиями районах Кавказа", могли сыграть известную роль в деле "привлечения мусульманской знати на свою сторону" [5, с. 22]. Думается, что идея передачи организации просветительского дела в руки военных не имела ничего общего с "привлечением мусульманской знати". Решение же открывать школы для детей "бедных дворян и других почетных сословий Закавказского края и горских племен" в

стр. 88

полках и батальонах прежде всего диктовалось желанием с меньшими затратами (в пользу такого предположения говорит тот факт, что эти воспитанники обучались наравне с солдатскими детьми) решить проблему начального просвещения отпрысков обедневших дворян и в дальнейшем привлечь их к армейской службе. Такого рода школы были открыты практически в каждом полку кавказской армии под попечительством полковых и батальонных командиров. На наш взгляд, уже в этот период начинала решаться стратегическая задача подготовки офицерских кадров из числа местного населения, т.е. армия постепенно теряла облик "чужеродного враждебного органа". Дальнейшая история показала, насколько умным, дальновидным и прозорливым политиком и государственным деятелем оказался инициатор этой идеи М.С.Воронцов.

Понимание того, что только культурное строительство и систематическая целенаправленная подготовка управленческих кадров из числа представителей местного населения принесут в этот регион спокойствие, пронизывало все циркулярные документы правительства и решения наместника. Так, М.С.Воронцов всячески подчеркивал, что только при условии подготовки "деятелей с высшим образованием из кавказских туземцев" гражданская администрация управления края будет иметь жизненную силу и устойчивость. Более того, он распорядился не вызывать из России чиновников для работы на Кавказе без острой необходимости. С целью реализации этого положения и облегчения выбора наиболее способных к учению детей он предлагал руководителям учебных заведений руководствоваться прежде всего способностями и знаниями воспитанников, а не их сословной принадлежностью.

Следует сразу же оговориться, что это стремление наместника не всегда находило отклик у центрального чиновничества, что, видимо, объяснялось недоверием к кавказцам. В Санкт-Петербурге было немало влиятельных сановников, которые видели в просвещении местных народов прямую угрозу устоям империи. Они считали недопустимым получение уроженцами края высшего образования и подчеркивали, что такой подход был бы объясним и приемлем, "если бы Россия имела в виду следовать относительно Кавказа принципу, некогда заявленному лордом Расселом относительно отдаленных колоний, которые этот человек... предлагает наделить всеми благами цивилизации, с тем чтобы воспитать их для свободы и для полной политической независимости" [10, л. 8, об.]. По их мнению, даже элементарное образование для кавказцев может привести к необратимым последствиям. Но были причины и чисто меркантильные. Так, еще в конце XIX в. биограф М.С.Воронцова не

без сарказма писал по этому поводу: "Есть, конечно, немало представителей иного взгляда на этот предмет: многим удобнее кажется посылать в покоренные страны щедринских "ташкентцев", нежели поручать работу людям из местного общества, знающим обычаи и нравы своей страны; и, конечно, люди, державшиеся такого взгляда, осуждали Воронцова" [5, с. 23]. Общеполитические задачи и интересы государства мало волновали многих чиновников, которые находили личные выгоды в деле обустройства края, получали высокие оклады, всякого рода подношения и взятки и не стремились к распространению просвещения среди кавказцев, способных решать насущные проблемы своих народов.

И тем не менее, несмотря на все трудности, процесс реформ продолжался. В августе 1853 г. появилось "Положение о военных школах при войсках кавказской армии", благодаря которому развитие этого рода учебных заведений получило дополнительный импульс. Практически во всех основных местах дислокации армейских сил стали открываться школы военных воспитанников, в которые помимо детей русских офицеров и чиновников принимали и отпрысков местной аристократии. Уже к концу 1858 г. в них обучалось около 600 человек.

Следует отметить, что в 1851 г. истекал трехлетний срок действия временного положения 1848 г. о Кавказском учебном округе. В процессе аналитической работы было отмечено, что оно оправдало себя и дало возможность определить дальнейшую стратегию государственной политики в этой сфере. На его основе было подготовлено и 29 октября 1853 г. обнародовано

стр. 89

новое положение. Характеризуя его, барон А.П.Николаи отмечал, что "все сделанные в нем изменения клонятся к тому, чтобы установить закон постоянный, который бы имел одинаковое применение и в том случае, если со временем разряд или состав учебных заведений изменится или расширится. В связи с этим содержание нового положения о Кавказском учебном округе, по возможности, согласовано с законами, действующими во всей империи, но допущены и такие отступления, которые крайне необходимы по местным условиям и не относятся ни к степени доступности училищ, ни к объему преподавания в них и которые могли бы со временем исчезать, не требуя установления новых законов" [1, с. 505].

Если говорить о конкретике, то оно значительно переориентировало задачи кавказских гимназий, которые теперь должны были: "1) образовать молодых людей для государственной службы; 2) снабдить необходимыми сведениями тех из учеников, которые по окончании гимназического курса пожелают продолжать учение в университете; 3) доставить тем, которые не посвящают себя служебному поприщу, познания, полезные в их будущем звании" [11, с. 10]. В кавказских гимназиях узаконивалось создание специальных классов для подготовки выпускников к поступлению в университет и к учительской профессии.

В план обучения входило изучение местных языков, в старшем курсе могло быть включено преподавание военных наук. Кроме того, вводилась определенная дифференциация самих программ: для поступающих в высшие и специальные учебные заведения предусматривались уроки латыни или французского языка, для будущих учителей добавлялись дидактика и педагогика, избравшие карьеру чиновника изучали законоведение. В зависимости от специфики выбранной профессии в учебный план могли быть включены предметы, связанные с сельским хозяйством, практическая механика и химия.

Необходимо отметить определенное облегчение доступа к получению образования детьми из семей "лиц свободного состояния", которые вносили плату за учение в размере 5 руб. Особое внимание власти стали уделять созданию самых благоприятных условий для отпрысков из семейств обедневших местных аристократов. С этой целью начальству гимназических пансионов вменялось "облегчить для детей высшего сословия средства воспитания и доставить детям беднейших лиц этого сословия, а равно детям заслуженных чиновников выгоды воспитания бесплатного" [11, с. 17]. Иными словами, "классовая солидарность" вновь возобладала, и образование продолжало оставаться привилегией кавказской элиты, русских чиновников и офицерства. Так, из 142 воспитанников пансиона Ставропольской гимназии 30 были детьми русских дворян и чиновников, 65 - почетных горцев кавказской линии и 47 - офицеров и чиновников Черноморского казачьего войска [11, с. 18].

Коснулись перемены не только гимназий, но и окружных и уездных училищ. Положение 1853 г. определяло, что эти бесплатные учебные заведения делятся на низшие и высшие четырехклассные, в зависимости от места расположения. Выпускники училищ получали право занимать незначительные чины в администрации, если позволяло сословное положение. Однако в целом они были ориентированы на работу учителями в начальных и частных школах, поэтому их программа включала один из местных языков, краткую историю края или региона. На Кавказе открывались и первоначальные одноклассные и двухклассные общественные и казенные училища, основная задача которых заключалась в приобщении детей к основам веронауки и началам грамотности. Так, в двухклассном училище в программу входили: Священная история и катехизис (в зависимости от вероисповедания учащихся), русское чтение и письмо с практическим усвоением русского языка, чтение и письмо на местном языке, русская грамматика и 4 арифметических действия; в одноклассном - молитвы, чтение и письмо на русском и местном языках, разговорный русский язык и 4 арифметических действия над целыми числами.

Нововведения были подкреплены увеличением финансирования. На Кавказский учебный округ предусматривался ежегодный отпуск денег в размере 219740 руб.,

стр. 90

из которых 181 670 руб. выделялось государственным казначейством, остальные средства возлагались на местный бюджет. Из общей суммы на Северный Кавказ выделялось 33%, основная часть шла в Закавказье [1, с. 513-514].

Таким образом, можно констатировать, что власти, опираясь на уже имеющийся опыт, стали постепенно решать проблему унификации системы образования в крае, приближая ее к общегосударственным стандартам и усиливая процесс централизации управления. Выпускники местных учебных заведений получали возможность без каких-либо ограничений продолжать свое образование в высших учебных заведениях страны. В то же время самодержавная Россия законодательно закрепляла необходимость сохранения особенностей и специфики края, психологии народов, его населяющих.

Литература

1. Модзалеаский Л.Н. Очерк истории воспитания и обучения с древнейших до наших времен. Ч. 2. СПб.. 1899.

2. Культура, общественно-политическая мысль и просвещение Кабарды во второй половине XIX - начале XX века. Нальчик, 1996.
3. Щербина М.П. Биография генерал-фельдмаршала князя Михаила Семеновича Воронцова. СПб., 1858.
4. Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX веке. М., 1978.
5. Гагагова Л.С. Правительственная политика и народное образование на Кавказе в XIX веке. М., 1993.
6. Эсадзе С.С. Исторический очерк распространения русской власти на Кавказе. Тифлис. 1913.
7. Краснов М. Просветители Кавказа. Ставрополь, 1913.
8. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 2. Отд. 2. 1825-1855. СПб., 1876.
9. Козубский Е.И. История города Дербента. Темир-Хан-Шура. 1906.
10. Российский государственный исторический архив. Ф. 733. Оп. 162. Д. 1148.
11. Положение о Кавказском учебном округе и учебных заведениях, оному подведомственных. СПб., 1853.